

Камер, привода, - 1994. - 25 авг. - с. 2

Все как люди, а она — как черт на блюде

Закулисный разговор с Людмилой Гурченко

...Теперь она носит мини, пепельные волосы в стрижке каре, но в хитрых бесшабашных глазах ее, знакомых зрителям с 1956 года, с «Карнавальная ночь», все больше поселяется печаль. Людмила Гурченко, многолетняя страсть всех советских мужчин, чья осиная талия — вечная боль всех советских женщин, — приехала в Таллин показывать себя эстонскому зрителю.

Боже, что она вытворяет на концертах!.. Она танцует, она поет, она хохочет и заставляет мужчин на руках снимать ее со сцены. Она зажигает зал таким невероятным дьявольским огнем, что зрители, обученные эстонской степенности, начинают кипеть и плавиться вместе с ней. Потом она театрально утирает слезинку — и все присутствующие автоматически достают носовые платки. А она возьми да скажи с приторным всхлипом: «Все реже и реже что-то приходится делать впервые, а все больше и больше произносишь слово «никогда». Никогда не скажу, никогда не буду делать, никогда не сыграю. И мне больше всего, может быть, жаль, что я для вас — это уже точно — никогда не сыграю маленькую Веру... Но, может быть, какую-нибудь интелгентку Веру я для вас еще и рвану!»

Потом ее спрашивают про любовь, и она отвечает дивной формулой, которая с ее подачи рискует стать жизненным кредо миллионов соотечественниц: «Любовь у меня всю жизнь одна — планетная, постоянная, уникальная, огромная... Только объекты менялись». Спрашивают об отношении к мужчинам. В ответ — песня: «И сигареты огонек, и разговоры до ночи, и мне пока что невдомек, что все мужчины — сволочи». Молодой человек с цветами в этот момент как раз выходит на сцену, точно под последние слова. Она немедленно комментирует: «Вот он, первый пошел»...

— Этот ваш дьявольский огонь и этот чудовищный темперамент, от которого зрительская кровь начинает пузыриться, как шампанское, — специально созданный вами имидж или нечто природное?

— Создавай не создавай, но если ничего внутри нет, так ничего и не загорится. Конечно, это все-таки природный огонь.

— А вы совершали в жизни какие-нибудь нелогичные поступки, продиктованные именно им?

— Вся моя жизнь сплошь и состоит из одних нелогичных поступков, потому что я такой человек — нерациональный. Когда внутри все говорит тебе: «Молчи! Молчи! Не говори — а то будут неприятности». Или: «Не делай этого — а то будут дурные последствия». Внутренний голос предупреждает, а сама думаешь: «А почему — нет? Ну так посмотри, что там будет за последствия! Если я не смогу их преодолеть — значит грош мне цена. Вот сейчас возьму и скажу, и посмотрю, что будет». И в конечном счете я делаю и говорю то, что думаю, и наживаю себе неприятности.

— ...и врагов?

— А как же! Но как сказать — врагов? Я думаю, что все враги даже и не представляют, как они хорошо ко мне относятся. Просто оголтелые враги — это же ерунда, а вот такой внутренний вражеский комплекс — совсем иное. Это меня убеждает в том, что я правильно живу.

— А вам знакомо такое состояние, когда настроение, как воздушный шарик, падает вниз, и ты сначала пытаешься удержать его ладонью, потом — коленкой, потом — носком туфли...

— Я ужасно склонна, особенно в последние времена, к погашению, к депрессии, к внутренней статике — такой противной, нехорошей, когда понимаешь, что ничего не сделала, все это ерунда, пройденный этап... Когда вокруг все рассыпается и ничего не ос-

тается в руках. Когда почти нет веры. Вера — это пример колоссальный. Все ведь держится на забытых вещах — на предательстве, на невранье, на недвуличии. Без примера жить нельзя. Примером может стать человек, или новый музыкальный ритм, или фантастическая вещь, когда что-то вырастает на том месте, о котором и не думаешь, что оно может рождать. Где ничего нет, где все затоптано, где ходишь рядом, а потом вдруг раз — и видишь, что пробить асфальт, оказывается, возможно.

— Кто был для вас таким примером?

— Марк Бернес, любимый с детства актер, и чем дальше идет время, тем крупнее и мощнее он становится и вырастает для меня. После «Карнавальная ночь» переселилась я из общежития в маленькую комнатку на Саловом кольце, на девятом этаже. И вдруг я узнаю, что на пятом живет Бернес. И думаю: «Боже мой, как интересно с ним встретиться, вот бы как-нибудь его увидеть!» Мечта, детская мечта... И вдруг однажды вижу: около лифта большими буквами написано: «Бернес плюс Гурченко равняется любви»... Сейчас-то я к легендам и сплетням уже привыкла, но тогда... Как же так, думаю, я его еще ни разу не видела — а уже сплетня! И вот поднимаюсь как-то в лифте после съемки, а лифт тесный такой, трудно повернуться, весь испещренный маленькими короткими словами. И вдруг входит какой-то человек, поворачивается ко мне спиной, и я чувствую запах лаванды. И знакомый-знакомый профиль... И тут на пятом этаже лифт останавливается, поворачивается ко мне Марк Бернес и говорит: «Я бы плюса не поставил». И выходит. Я расстроилась: ну что ж такое, я вроде бы нормальная вполне. И думаю: ну все, вот я когда-нибудь его встречу и не буду с ним общаться, буду такая злая, противная — раз он такой... Потом мы подружились и много работали, и я, стоя за кулисами, плакала, слушая «Темную ночь».

— Вам знакомо одиночество?

— О, да! А в такой профессии нельзя быть одиноким.

— Почему?

— Ну потому, что существуешь не для семьи, не для кого-то. Выхожденный, вымотанный — кому ты нужен? Это во-первых. Во-вторых, если ты живешь ролью и перестраиваешь себя в эту роль — то происходит изменение всего абсолютно: внутреннего мира, кровеносной системы, давления, логики. То есть ты сам не понимаешь, как ты подстраиваешься под того человека из сценария. Он же полгода существует, и ты в это время существуешь вместе с ним и не понимаешь, что ты — не ты. А иначе ничего не получится на экране. Тут надо выбирать. Я еще не видела в жизни ни одной актрисы, ни одного актера (стоящего, разумеется), о которых можно было бы говорить, что у него или у нее жизнь была гладкой, как мечта.

— Вы помните, когда лично вы сделали этот выбор?

— Конечно. Я могла бы очень хорошо устроиться, когда не надо было бы так долго ждать роли, когда можно было тихонько уйти с экрана, как многие актрисы — как Грета Гарбо или Дина Дурбин. Они в 22 или 24 года покинули сцену и жили припеваючи где-то у себя в замках, с какими-то модельерами... Я могла бы вот так же устроиться, не работать и не быть актрисой. Но я поняла, что абсолютно ничего другого мне не нужно, и я моталась где угодно, чтобы только быть в своей профессии. Не важно, какой: шестой слева или седьмой справа.

— Извините, если мой следующий вопрос покажется вам бестактным. Насколько я могу судить по вашим интервью, вы сознательно стараетесь никогда не открывать тайны вашей семейной жизни?

— Мне нечего приоткрывать. Я долго была замужем — лет семнадцать, но меня предали. Обманули. После этого очень сложно кому-то верить. Мне нечего было сказать, потому что все было нормально. Я так и не могу объяснить, почему это произошло.

— И тем не менее на концертах вы демонстрируете довольно ироничное отношение к мужчинам. Вы действительно так к ним относитесь или делаете это потому, что это гарантированно понравится зрителям?

— Оба ваших предположения верны. Я вижу, что вокруг меня происходит, и нужно быть идиоткой, чтобы не понять, что к чему. Особенно это видно сейчас, когда все так быстро, сложно, все расплывается, редкие семьи счастливы. Но тем не менее и после этой иронии мужчины подходят на улице, дарят цветы. Так что все в порядке.

— А если говорить о ваших последних работах в кино?

— Прежде всего это фильм «Послушай, Феллини» режиссера Михаила Швейцера. Это экспериментальная картина: я и камера. Камера и актриса, и больше нет ни одного действующего лица. Это такой диверсификат: Феллини заказал пробу русской актрисы для итальянского фильма, и вот актриса, которую решили поддержать — она восемь лет не играла, — говорит: «Феллини, я — великий немой, восемь лет — ни одного слова на сцене». Наверное, потому мне и дали эту роль, что я в свое время в кино долго не снималась и знаю, что это за состояние — ненужности. Там все — и танец, музыка, и драма, и трагедия, и полусмерть, и обмороки.

После концертов в Эстонии я сразу же еду в Ленинград озвучивать фильм «Проходная-94». В главной роли Калягин, а я играю его жену. Я получила за эту роль — почти безмолвную — международный приз. Когда за другие роли получалось, то это понятно, а тут — всего пять реплик. Это было удивительно — один из тех моментов, которыми можно похвалиться. Как-то утром я приезжаю в Ленинград — с поезда, ненакрашенная, бледная, несчастная. А режиссер Виктор Трегубович встречает меня и говорит: «Ты можешь в таком виде сыграть роль?» Я говорю: «Давай». И вошла в кадр — жена, которая не понимает, что муж ей изменяет, она даже его одевает на свидания, да еще и приговаривает: ты должен всем понравиться. То есть жена, при которой можно жить, — вот такая характеристика. Это совсем на меня не похоже, в кадре я была такая несчастная, тихонькая, замученная.

— Что вы чувствуете, когда приезжаете в Эстонию, за границу, и встречаетесь — увы — с русской эмиграцией?

— Я снималась в Эстонии в комедии «Укротители велосипедов», здесь мы снимали «Гардемаринов» — совсем недавно. Что сказать? Все невозможно по-другому устроено, другой язык, но все равно родные места. Что я чувствую? То же, что в Америке, в Израиле или в Канаде, — ностальгию. Ностальгия по языку — люди вслушиваются в речь. Такая прислушиваемость, такая тишина — когда ловят каждое слово, и не просто ловят, но и внемлют. И хочется говорить, хочется петь, хочется этим людям дать так много!

— Если бы вас попросили поделить с этими людьми вашим дьявольским огнем — чтобы они, несмотря на границы, растояния и отрыв от родной культуры, как-то продолжали жить дальше... Что бы вы им сказали?

— Что бы ни случилось — терпеть и не изменять самому себе. Если сейчас не везет — повезет потом. Нужно никогда не забывать, что в жизни всегда может случиться то, что называется «а вдруг...»

Галина САПОЖНИКОВА.
(Наш соб. корр.).
Таллин.

Фото Геннадия ДИАНОВА.